

1

Моя история

Рассказ беженки

Раньше я верила, что, когда буду жить в Лондоне, забуду обо всех своих проблемах и буду самым счастливым человеком на земле. Какой же наивной я была! Да, я пережила ужасы войны, потеряла свой дом и родину, но даже теперь, слыша о войне в новостях, я понимаю, что не забыла ничего — эти воспоминания надежно спрятаны в глубинах моей памяти, но готовы всплыть в любой момент. Вспоминать об ужасах прошлого легче в кругу семьи, но так как мой брак сложно было назвать счастливым, я не могла забыть о прошлом и начать жизнь с чистого листа.

Женщине из Афганистана нелегко выжить в Лондоне. Иногда я просто сижу в своей маленькой комнатке в южной части города и думаю о том, как непредсказуема жизнь. Воспоминания о детских годах вызывают у меня улыбку, а вот то, что происходило со мной в подростковом возрасте, заставляет мое сердце сжиматься от жалости к самой себе. А когда я думаю о войне... когда я думаю о том, что было тогда, мне становится страшно. Что, если это случится снова?

Сможем ли я и моя семья выжить, если это повторится? Когда я пытаюсь отогнать эти мысли, картины прошлого встают перед моими глазами, хотя с тех пор моя жизнь сильно изменилась.

Конечно, в моей жизни были и светлые моменты. Я была дочерью министра афганского правительства и ни в чем не знала отказа, но потом стала беженкой, одной из тысяч, ищущих приюта в чужой стране. Удача то улыбалась мне, то ускользала, оставив после себя горечь отчаяния.

У моих родителей было четыре дочери, я была второй. Я получила прекрасное образование в современной школе в Кабуле, построенной русскими. Мой отец был политиком, а мать — домохозяйкой. Благодаря высокому положению отца мы жили в доме, построенном еще во времена Советского Союза, где было электричество, горячая и холодная вода, отопление и канализация — удобства, о которых многие мои соотечественники могли только мечтать.

Жизнь тогда казалась прекрасной. Отец много работал. Будучи главой национальной радиостанции, он отслеживал выход программ. Моя мать вместе со служанкой вела хозяйство и воспитывали нас, девочек. Утром я шла в школу вместе с двумя узбекскими девочками, Фрештой и Зайнаб, которые жили по соседству и были моими подругами. Иногда мне хочется вернуться в то беспечное время. Но даже тогда я понимала, как тяжело приходится моей матери. Нам было хорошо вместе, но все же я и мои сестры чувствовали, что без брата мы не можем считаться полноценной семьей. То, что мы хорошо вели себя и прилежно учились, не могло изменить того факта,

что мы девочки. Мой отец был образованным человеком без предрассудков, и его не волновало мнение других относительно того, что сын намного важнее дочери, но общество, в котором мы жили, не могло не наложить на нас своего отпечатка.

Это было в конце восьмидесятых. Моджахеды — афганские националисты — становились все сильнее и грозились свергнуть правительство, возглавляемое президентом Наджибуллой, которому русские помогли прийти к власти. Тогда я была еще ребенком и не понимала, что происходит в нашей стране. Меня не волновало, кто с кем воюет, какая партия захватила власть и что творится в отдаленных провинциях и деревнях. Я думала о моджахедах, как о диких животных, ведь они, вероятно, считали членов нашей семьи неверными из-за того, что мы поддерживали немусульманское правительство. Я была дочерью человека, который для них был предателем, за это его хотели убить. Однако, хотя истории, которые мои друзья рассказывали об ашрахах (так правительство называло моджахедов, это значило «люди, которые поддерживают насилие») и пугали меня, я не думала о войне. Все, чего мне хотелось, — это ходить в хорошую школу, красиво одеваться и жить счастливо со своей семьей. И дети других политиков, учившиеся со мной, хотели того же. Большинство наших учителей тоже тем или иным образом были связаны с правительством. Мы были элитой, которую до поры до времени не беспокоили проблемы простых людей. Но вскоре все изменилось.

Тогда моджахеды почти каждый день взрывали снаряды в районе Кабула. Они хотели свергнуть нынеш-

ний парламент и захватить власть, поэтому пытались посеять панику и чаще всего подрывали базары, больницы и школы — те места, где количество жертв среди гражданских могло быть наибольшим.

Вскоре мы, дети, привыкли к этому, и когда неподалеку раздавался взрыв, мы следовали за учителем в коридор, так как считалось, что там более безопасно.

Но летом 1989 года один из таких снарядов навсегда изменил мою жизнь. Бомба попала в коридор нашей школы, взрыв был очень мощным. Я находилась неподалеку и чуть не оглохла от грохота. Я до сих пор помню этот звук. Все было заполнено черным дымом и пылью, я задыхалась от запаха паленой резины. Дети и учителя в панике метались, не зная, что делать. Я увидела кровь и испугалась, но вскоре поняла, что это кровь другой девочки. Моя одноклассница лежала без сознания в луже крови.

Я навсегда запомнила этот взрыв. После того как подруга умерла у меня на глазах, я впала в депрессию. Мой отец заплатил одному из самых лучших докторов в Кабуле за мое лечение, и каждый четверг я должна была ездить в его клинику. Вскоре я стала ненавидеть четверг, потому что на этот день мне назначили электрошоковую терапию. За кабинетом доктора была комната с кроватью и электрошоковой аппаратурой. Я ложилась на кровать, и к моим вискам прикрепляли провода с ватой на концах, холодной и мокрой. Когда аппарат включали, острая боль пронзала мое тело.

Первое время я не могла заставить себя пойти в школу и пропускала занятия. Я училась все хуже и стала избегать друзей — я боялась привязаться к ним, ведь однажды они тоже могли погибнуть. Постепенно я полностью замкнулась в себе. Я уже не была той ве-

селей и подвижной девочкой, которую знали мои одноклассники, и они стали сторониться меня, называя меня «девана», что значит «сумасшедшая». Я так боялась, что вторая бомба наверняка убьет нас всех, что, когда играла на улице с сестрами и другие дети начинали шуметь, меня охватывала паника. Я даже боялась играть с Фрештой и Зайнаб, а вскоре узнала, что они сами не хотят играть со мной, считая меня ненормальной.

Я не могла забыть того, что пережила, не могла избавиться от страха, что это повторится, но когда я обратилась к своим друзьям за помощью, они оттолкнули меня. Такое отношение ранило меня, из-за этого я слишком быстро повзрослела, но чувство одиночества осталось со мной. Мне до сих пор больно вспоминать о том, как мои подруги поступили со мной, хотя я понимаю, что, будучи детьми, они не понимали, как мне нужна их поддержка.

В тот период своей жизни я проводила большую часть времени с матерью и очень сблизилась с ней. Мы часто ходили вдвоем на свадьбы и праздники, и вскоре я привыкла к обществу взрослых. Как раз тогда моя мать снова забеременела и родила мальчика — моего любимого братика. С его рождением жизнь стала налаживаться. Я немного успокоилась, а моя мать была на седьмом небе от счастья — ведь наконец-то родился долгожданный сын! Два года спустя, в 1993 году, родилась моя младшая сестра. Это случилось в самый разгар гражданской войны в Кабуле, поэтому, хотя мои родители и надеялись на рождение второго мальчика, на этот раз пол ребенка был не так важен.

В то время разные террористические группировки сражались друг с другом, надеясь получить контроль над Кабулом. Районы города были захвачены повстан-